

Вирусный шум:
слухи и сбой, которые
они вызывают,
в условиях
пандемической
неопределенности

Гэри Алан Файн

Гэри Алан Файн. Северо-Западный университет (NWU),
Эванстон, США, g-fine@northwestern.edu.

Опираясь на теорию и исследования динамики слухов, мы изучаем влияние *политики правдоподобия* и *политики достоверности* на поиск и получение информации во время медицинского кризиса. Мы пытаемся ответить на вопросы о том, как содержание и источник информации влияют на распространение неопределенных знаний в периоды бедствий, признавая, что для тех областей знаний, в которых общественность способна вынести только ограниченные суждения, ключевым вопросом является социальная динамика неведения. Утверждение о множественности истинных заявлений относительно нынешней пандемии ставит под сомнение реалии, в прошлом считавшиеся само собой разумеющимися; в то же время оно обладает потенциальной способностью предлагать решения. Эта динамика может различаться в условиях, требующих незамедлительной реакции, и в условиях, развивающихся на протяжении более длительного периода времени (быстрые и медленные слухи).

Используя в качестве примера слухи о пандемии COVID-19, мы исследуем, как эпистемический сбой разрушает устоявшиеся нормы («сбой чего-либо»), создавая пространство для внедрения необходимых изменений посредством появления новых дискуссий, укрепляющих сообщество («сбой для»).

Ключевые слова: *слухи; знания; сбой; пандемия; COVID-19.*

Перевод с английского *Юрия Кантуревского* по изданию:
Fine G. A. Viral Buzz: Rumor and Its Disruptions in Pandemic Uncertainty // Sociologica. 2021. Vol. 15. № 1. P. 43–53.

© 2021 Gary Alan Fine CC BY 4.0

КАКИЕ факты заслуживают доверия и на каком основании? Как органы власти и центры силы укрепляют доверие к исходящим от них утверждениям и вытесняют сомнения? Что является вероятным, а что находится за эпистемологической границей? Пытаясь различить скрывающуюся в тумане истину, можем ли мы доверять нашим социальным отношениям? Возникает ли в результате примирения альтернативных точек зрения гармоничное взаимодействие? Ответы на эти вопросы имеют важнейшее значение для интерпретации слухов, теорий заговоров, постправды, ненадежной информации и современных легенд.

Как сообщество, мы полагаемся на стабильную косность мира, мира, который является познаваемым. От этой уверенности зависит человеческая социальность. Радикальный конструктивизм, каким бы привлекательным он ни казался теоретикам, скорее дестабилизирует, чем предлагает решения. Знание становится инструментом борьбы за власть. Нас уже давно беспокоят фальшивые новости, злонамеренное искажение фактов и фиктивные иски, хотя в текущую эпоху сомнения и кажется, что именно они играют главную роль. Разногласия и недоверие создают условия для альтернативного понимания прошлого, взглядов на настоящее и ожиданий от будущего. Нигде эти проблемы не проявляются так наглядно, как при рассмотрении сбоев, вызванных недостоверной информацией во времена бедствий и катастроф, например глобального кризиса общественного здравоохранения, причиной которого стал вирус COVID-19. Утверждения, которые в иных случаях воспринимались бы как основанные на общепризнанных знаниях, подрываются; вследствие чего в культуре слухов, в которой одни суждения должны быть вынесены (в зависимости от импровизированных новостей¹) быстро, а другие формируются лишь со временем (распространяясь по коммунальной «виноградной лозе»²), возникает и наглядно проявляется эпистемологическая проблема.

Словесные баталии о том, что именно относится к легитимным знаниям, не утихают во многих областях³; осо-

1. *Shibutani T.* *Improvised News: A Sociological Study of Rumor.* Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.

2. *Fine G. A., Ellis B.* *The Global Grapevine: Why Rumors of Terrorism, Immigration, and Trade Matter.* N. Y.: Oxford University Press, 2010.

3. *Maines D.* *Information Pools and Racialized Narrative Structures // Sociological Quarterly.* 1999. Vol. 40. № 2. P. 316–326.

бенно громкий шум возникает при оценивании научных/медицинских дискуссий, относительно содержания которых представители широкой общественности имеют только расплывчатые и нетвердые знания. Эти скептицизм и неопределенность потенциально способны вызвать недоверие в случаях, когда требования публично признанных экспертов противоречат желаниям тех, кому адресованы рекомендации этих экспертов. Достаточно вспомнить о сопротивлении выполнению рекомендаций не только известных всей Америке вирусологов, таких как доктор Энтони Фаучи, но и местных специалистов, а также о скептицизме людей, сомневающихся в действенности вакцин⁴. К тому же, как давно утверждают исследователи, занимающиеся социологией знания, в большинстве своем слухи появляются, обрастают подробностями и распространяются в периоды социальных стрессов, особенно в ответ на угрожающую неопределенность, когда масштабы катастрофы не полностью определены, не до конца доведены до населения или на них еще не последовала реакция властей. Мы видим это на примерах как повторяющихся катастроф, к числу которых относится и признание пандемий различных болезней (СПИД, а теперь и COVID-19)⁵, так и в случаях постепенно распространяющихся бедствий (болезни, вызываемые ухудшением состояния окружающей среды). В большинстве случаев слухи изучались на примерах быстро развивавшихся катастроф, но в этом эссе в центре нашего внимания находится медицинское бедствие, разразившееся в прошлом году, — пандемия COVID.

1. Слухи и похоронный звон пандемии

Оценивая разнообразие утверждений, связанных с новым коронавирусом, важно принимать во внимание убеждения и доверие. Главную роль здесь играют политика правдоподобия и политика достоверности. В частности, эти утверждения должны быть осмысленными с точки зрения тех пред-

4. *Larson H. Stuck: How Vaccine Rumors Start—and Why They Don't Go Away.* N. Y.: Oxford University Press, 2020.

5. *Lee J. D. An Epidemic of Rumors: How Stories Shape Our Perceptions of Disease.* Boulder: Utah State University Press, 2014; *Bodner J. et al. COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, the New World Order and Other Viral Ideas.* Jefferson: McFarland, 2020; *Kitta A. The Kiss of Death: Contagion, Contamination, and Folklore.* Louisville, CO: Utah State University Press, 2019.

ставлений о мире, которыми мы обладаем (правдоподобие), и исходить от лиц, высказывания которых не подвергаются сомнению (достоверность). И то и другое связано с властью: властью эпистемологического консенсуса и властью, которой наделены авторитетные источники. Эти понятия позволяют нам анализировать множество утверждений относительно пандемии, притязающих на истинность, с точки зрения их соответствия общей эпистемологии⁶.

Утверждения о вирусе COVID, его происхождении, лечении и роли ученых разнообразны и одновременно занимательны или тревожны в свете имеющегося у них потенциала сбой общественной реакции. Не будучи ни эпидемиологом, ни клиницистом, я оставляю в стороне вопрос об их точности, но исхожу из возможности установления истины в мире вирусов, врачей и медицинских практик. Роль социолога заключается в изучении последствий утверждений, притязающих на истинность. Если утверждение является слухом, оно не обязательно должно быть ложным; скорее, это информация, еще не проверенная теми, кто определяется как лица, обязанные знать. Как указывает Эвиатар Зерубавель в своей работе, посвященной когнитивной социологии, знание — и, предположительно, истина — всегда существуют в мире статуса и власти⁷. Мы мыслим как члены социальной группы, а не как индивидуумы или представители вида, в результате чего и формируются наши суждения о том, что является правдоподобным и кто заслуживает доверия.

В мире, где убеждения могут определяться политикой и решительно оспариваться, — причем недоверие к ним во многих случаях ничуть не скрывается, — многие люди, придерживающиеся разных точек зрения, считают, что утверждения о COVID-19 представляют собой *fake news*, или намеренно искаженную информацию. Причина этого не только в ошибочности информации или отсутствии доказательств, но и в том обстоятельстве, что такого рода утверждения высказываются теми, кто заинтересован в том, чтобы вводить в заблуждение. Это оправдывает недостаток доверия и убежденность в стратегических сбоях. Доверие зависит от того, рассматриваем ли мы каждого выступающего как одного из участников совместного поиска истины

6. Fine G.A. The Promiscuity of Facts: Barack Obama and Uncertain Knowledge // *Diogenes*. 2015. Vol. 62. № 3-4. P. 330-338.

7. Zerubavel E. *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

(в социологии знаний данная позиция занимает центральное место). В отсутствие данного предположения утверждения о знании рассматриваются как оружие, как использование сбоя с целью завоевания политического преимущества. В число этих враждебных агентов могут входить государственные акторы, будь то российские, китайские или американские, или негосударственные группы интересов.

В неопределенных ситуациях появляются утверждения, которые могут не только противоречить официальным заявлениям, но и ставить их под сомнение. Мы часто слышим, что должны «следовать за наукой», но сама «наука» во многих случаях выступает с противоречащими друг другу утверждениями. Даже в среде ученых число тех, кто способен вынести обоснованное суждение о неопровержимой реальности вирусов, не так уж велико. Единой научной ортодоксии не существует, но в научных кругах может преобладать некое общее мнение — совокупность убеждений, изменяющихся с течением времени. Мы сами должны решить, за кем из ученых мы последуем, и для внешнего наблюдателя это выглядит сомнительно.

Слухи о вирусе COVID подразделяются на несколько широких категорий, включая народные методы лечения или предрасположенность к заражению. В этой краткой статье, посвященной эпистемологическим сбоям, я сосредоточусь на том, как появление и распространение вируса объясняется с помощью заговоров.

2. Вирусный мир заговоров

Основное внимание общественности, как и следовало ожидать, привлекает вопрос о возникновении вируса, и, если далее рассуждать в конспирологическом ключе, чьим интересам он служит. Конспирологические убеждения требуют ответа на вопрос: *cui bono?* Кому это выгодно? Мы ищем ответственных. Мы исходим из того, что постигшее нас бедствие и наша ответная реакция не могут быть вызваны ни случайной флуктуацией, ни биологической пертурбацией, ни нечаянной ошибкой. Чье решение привело к катастрофе?

Сразу после получения первых известий о распространении нового коронавируса было выдвинуто объяснение, которое стало основным и до сих пор остается вероятным: местом передачи вируса человеку-хозяину был рынок под

открытым небом в крупном китайском городе Ухане, на котором происходила торговля живыми животными. Возможно, вирус является зоонозным и передается от животных человеку, а его носителями были летучие мыши и панголины (чешуйчатые муравьеды). Помимо того, что известно эпидемиологам о зоонозных вирусах, в этом утверждении подчеркивалась инаковость китайцев, что делало его весьма привлекательным для Запада. Употребление китайцами в пищу летучих мышей или муравьедов воспринималось как демонстрация культурного разрыва. Это утверждение вызвало эмоциональную реакцию у пребывавшей в неопределенности общественности. Вскоре утверждения о происхождении COVID-19 вышли за пределы круга заболеваний, передающихся от животных к человеку⁸.

В Ухане, эпицентре китайской вспышки заболевания, находится исследовательский институт вирусологии Академии наук КНР. Это совпадение породило подозрения, которыми питаются слухи; и этим обстоятельством могли воспользоваться все те на Западе, особенно в США, у кого намерения Китайской Народной Республики не вызывают доверия. В год выборов в США это утверждение могло использоваться и использовалось в интересах противостояния с КНР; так президент Дональд Трамп назвал болезнь «китайским вирусом». Кто-то утверждал, что произошла случайная утечка вируса из лаборатории, что предполагало отсутствие должной организации систем безопасности, в то время, как люди, в большей степени склонные верить в теории заговора, настаивали на преднамеренной утечке вируса с целью вызвать всемирный хаос. Очевидный успех китайцев, которым удалось за первые несколько недель взять распространение вируса под контроль, сыграло на руку тем, кто увидел в этом довод в пользу недоверия правительству КНР и к гражданам Китая в целом. Возможно, считали они, вирус был одним из видов биологического оружия, направленного на подрыв американской экономики. В свою очередь, некоторые китайцы, исходя из собственной повестки, высказывали предположения, что в распространении вируса важную роль сыграла американская военная база или усилия ЦРУ, а цель состояла в истреблении китайских граждан или крахе китайской экономики. В сущности, слухи, распро-

8. *Bodner J. et al. COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, the New World Order and Other Viral Ideas.*

странявшиеся в Китае, были зеркальным отражением американских слухов.

Даже если те, кто не спешит верить этим утверждениям, рассматривают их как правдоподобные объяснения. Уровень действительного применения насилия в отношении лиц китайского происхождения остается низким, но паттерн недоверия к ним весьма велик. Хотя о связи вируса с Китаем говорилось чаще всего, были и слухи, связывавшие распространение вируса с деятельностью других опасных акторов; при этом вновь поднимался вопрос о том, кому это выгодно, и выражалось недоверие к теневым влиятельным элитам. Одни объясняли вспышку болезни сионистским заговором с целью установления мирового господства, другие указывали на фармацевтическую промышленность, которая надеялась получить прибыль от продажи лекарственных препаратов или вакцин. Третьи предполагали заговор основателя *Microsoft* Билла Гейтса, якобы стремившегося заработать на продаже вакцины собственной разработки или, возможно, добиться для корпорации разрешения отслеживать деятельность вакцинированных людей. Превращению Гейтса в правдоподобную мишень способствовали огромная власть, которой обладает Фонд Билла и Мелинды Гейтс, и сопротивление власти компаний, владеющих социальными сетями. Точно такие же подозрения лежали и основе слухов, согласно которым лаборатория, в которой разрабатывались вакцины против COVID-19, принадлежит глобальному инвестору Джорджу Соросу. Правдоподобию этого утверждения, особенно доверию к нему со стороны тех, кто видит в Соросе агента левых или евреев, способствовал страх перед его глобальным влиянием, в первую очередь в тех случаях, когда такого рода заявления звучали в средствах информации, пользовавшихся доверием аудитории. Возможно, с этими утверждениями связано и убеждение в том, что вирус был создан противниками президента Трампа, такими как Сорос или Гейтс, чтобы помешать его вероятному переизбранию. Если аудитория рассматривает утверждение как разумное, а сторону, которая передает его, — как носителя знания, недоверие может быть вызвано по отношению к любому предполагаемому виновнику всех бед.

Наконец, согласно содержанию некоторых слухов, продюцированию или распространению вируса способствовало развитие сетей мобильной связи 5G и сопутствующих им электрических полей. Данная связь может показаться неочевидной, но выбор времени и неоднозначность технологии

позволили выступить с утверждением, способным оправдать противодействие новой технике, использование которой означало бы обогащение компаний мобильной связи (аналогично в прошлом распространялись слухи об опасности первых вышек сотовой связи, а еще раньше — электрических столбов). Разнообразие слухов и теорий заговора о вирусе COVID-19 слишком велико, чтобы подробно его описывать, но необходимо подчеркнуть, что утверждения, воспринятые некоторыми аудиториями как правдоподобные, были связаны с подрывом текущих политических реалий. В своей совокупности эти слухи предлагают нам карту паттернов недоверия населения к правящим кругам.

3. Области сбоя

Мы с Иддо Тавори в своей работе настаиваем на необходимости четко разграничивать «сбои чего-либо» (*disruptions-of*) и «сбои для» (*disruption-for*)⁹. Первые — способные разделять группы на части и оказывать отрицательное влияние на продолжение взаимодействий, потому что на первый план выходят конфликтующие мировоззрения и интерпретации, — представляются очевидными. Результат таких сбоев зависит от наличия власти и ресурсов. В то же время мы полагаем (возможно, это предположение противоречит интуиции), что некоторые сбои являются «сбоями для» в том смысле, что, подвергая сомнению само собой разумеющиеся точки зрения, мы получаем возможность обращаться к новым и более эффективным формам сотрудничества, выходящим за пределы эпистемологических разделений. Эти «сбои для», вызывая дебаты, укрепляют приверженность сообщества урегулированию разногласий. Например, разногласия по поводу использования защитных масок и желательной степени социального дистанцирования могут включать в себя опасные элементы простого сбоя, поскольку в них проявляются противоположности мировоззрений враждебных групп; одновременно эти разногласия открывают возможность сбоя во имя чего-либо — в той мере, в какой они, неизбежно вызывая дебаты, в конечном итоге приводят к примирению сторон, поскольку те приходят к признанию золотой середины, основанной на общей гражданской

9. Tavori I., Fine, G. A. Disruption and the Theory of the Interaction Order // *Theory & Society*. 2020. Vol. 49. P. 365–385.

обеспокоенности ценностью здоровья и социальности. Слухи, неизбежно представляющие собой неопределенные знания, являются откликом на более значительные противоборствующие силы, что в данном случае подчеркивает их роль в случаях, когда был пережит медицинский или научный шок. Едва ли слухи возникали бы (по крайней мере в столь огромном количестве), если бы все мы соглашались с «официальными точками зрения» властей или имели опыт, позволяющий судить о специализированных, но важных знаниях. Слова «я слышал, что» обладают такой силой потому, что в общении коллег, пользующихся взаимным доверием, они часто перевешивают заявления экспертов, открывая возможность для сбоя и быстрого распространения слухов.

Если рассматривать мир как познаваемый, то утверждения, с которыми соглашаются отдельные люди и группы, должны иметь определенный смысл. Это объясняет принятие некоторыми теорий заговора, рассмотренных выше. Ученые, изучавшие слухи на протяжении последних 75 лет пришли к выводу, что масштабы и интенсивность их распространения связаны с важностью события в сочетании с его многозначностью и отсутствием у аудитории критической способности¹⁰. Чем больше важность, выше степень многозначности и меньше критическая способность, тем больше слухов будет распространяться. Это предполагает, что мы можем установить важность обсуждаемых событий, степень их многозначности и способность аудитории судить о тех или иных утверждениях, когда они выходят за рамки нашей области знаний. Если суждение о важности является относительно консенсуальным, согласованным, то многозначность может быть таковой сама по себе. Это может пробудить творческий потенциал или привести к онтологическому замешательству. Кроме того, исследователи теорий заговора признают, что решение о том, кто вправе судить о критической способности, может оказаться политическим вопросом. В «Импровизированных новостях», классическом исследовании слухов, возникавших сразу после бедствий, Тамотсу Шибутани утверждал, что люди сообща справляются с неоднозначной средой, от которой напрямую зависит их выживание¹¹. В данном случае к ти-

10. Allport G., Postman L. G. The Psychology of Rumor. N. Y.: Henry Holt, 1947; *Chorus A. The Basic Law of Rumor* // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1953. Vol. 48. № 2. P. 313–314.

11. *Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor.*

пичным примерам относятся стихийные бедствия с немедленными последствиями (цунами, торнадо или внезапные наводнения). Однако не все катастрофы развиваются столь же стремительно, как эти стихийные бедствия. Другие бедствия, ярким примером которых являются пандемии, могут распространяться в обществе сравнительно медленно, что позволяет делать заявления о серьезности или умеренности их последствий, а также выносить суждения, оценивающие тех, кто предоставляет «официальную информацию». Главную роль в поддержании стабильности сообщества играет коллективное осмысление слухов — процесс, который также может вызывать раскол и разногласия. Как утверждаем мы с Биллом Эллисом, это наглядно проявилось в первые дни и недели после террористических актов 11 сентября 2001 года в США, когда американцы пытались понять, кто несет ответственность за случившееся, и оценить вероятность новых нападений террористов¹². Со временем появилось множество интерпретаций этих событий; часть из них усиливали враждебность населения по отношению к мусульманам, а другая часть — по отношению к американскому правительству. Во многом аналогичные сбои, основанные на слухах, имели место и в самом начале эпидемии СПИДа. Должны ли мы опасаться геев или мужчин, занятых в «дружественных» к ним профессиях (например, официантов), или это был неудачный план ЦРУ? Об опасениях в отношении китайцев мы слышим и сегодня, в том числе в случаях, когда по иронии судьбы разговор заходит об официантах в некоторых ресторанах. Общественный сбой чего-либо посредством слухов очевиден. Но как насчет «сбоя для» перемен, ведь нам необходимо сотрудничать друг с другом в противостоянии новому коронавирусу? Приведет ли оценивание недостоверной информации к возникновению нового консенсуса, формирующегося по мере отсеивания неправдоподобных утверждений?

Как мы выносим суждение о том, во что следует верить? Поиски ответа на этот вопрос возвращают нас к правдоподобию и достоверности. Кажутся ли эти утверждения вызывающими доверие в силу общего опыта жизни в мире? Если да, то, учитывая наш прошлый опыт, заслуживает ли доверия тот, кто выступает с этими заявлениями? Мы интерпретируем будущие горизонты, оценивая утверждение (убеждение)

12. *Fine G. A., Ellis B. The Global Grapevine: Why Rumors of Terrorism, Immigration, and Trade Matter.*

и персонализируя, наделяя воображаемыми нами свойствами его источник (доверие). Мы судим о том, что слышим, исходя из того, имеет ли данный предмет смысл в свете того, что мы определяем как вероятное, и принимая во внимание нашу связь с рассказчиком. Наши отклики зависят от того, хотим ли мы разрушить социальную среду, в которой распространяется информация. Несмотря на то что слухи, по-видимому, предполагают сомнения или альтернативные реальности, они вызывают больше доверия, если согласуются с утверждениями, общими для всех взаимодействующих сторон.

Во многих коммуникативных процессах сети кластеризованы или даже замкнуты в очень узкие группы. Знакомые нам люди, скорее всего, знают друг друга. Взаимное доверие позволяет нашим друзьям избегать эпистемологического сбоя, который вызывают межличностные подозрения. В результате создаются условия для беспрепятственной передачи информации; в то же время это накладывает ограничения на ее внешнюю проверку за пределами сообщества. Психологи называют этот процесс «групповым мышлением»¹³, под которым понимается ситуация, когда члены некоей сплоченной группы предпочитают общаться только в ее границах, что не позволяет им знакомиться с альтернативными точками зрения или вариантами действий. Вследствие этого в группе может возникнуть напряженность, отрицательно влияющая на внутреннюю сплоченность ее членов. Наши друзья, вероятно, имеют схожие представления о том, когда следует носить маски и какой должна быть социальная дистанция. Мы избегаем напряженности, возникающей в случаях появления разногласий и слухов, создавая иллюзию уверенных утверждений. Если мы не стремимся к общему согласию, дружеские отношения могут исчезнуть. Возможная степень подрыва убеждений сообщества определяется структурой существующих в нем отношений между людьми. Замкнутые кластеры часто превращаются в изолированные от остального мира, «герметичные» группы, участники которых соглашались даже с неподтвержденной информацией, если другие члены группы придерживаются аналогичной точки зрения.

13. *Janis I. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Policy Decisions and Fiascoes.* N. Y.: Houghton Mifflin, 1972.

4. Быстрые, медленные, горячие и холодные слухи

Слухи — а в действительности все утверждения, притязающие на истинность, — связаны с двумя различными сферами осмысления — эмоциями и познанием. Распространение слухов означает, что, когда мы слышим страшную историю о COVID-19 и когда она кажется нам правдоподобной, мы верим рассказчику. Наши суждения формируются в горниле социальных отношений. Однако за пределами этого круга остаются сомнения. Принимая данную реальность, мы думаем и чувствуем как члены значимых для нас групп, в результате чего и формируются наши оценки¹⁴. Интерпретации мира неизбежно носят социальный характер. Сила, которую обретают слухи, объясняется тем, что они дополняют (или, как кажется, дополняют) знание, а также проводят грань между этим знанием и тем, что является ложным или вводящим в заблуждение. В данном случае слухи связаны с нашими взвешенными размышлениями, возможно, холодными и рациональными, даже если они не верны. И наоборот, другие слухи обретают влияние, потому что они распалывают эмоции; эти слухи мы можем назвать горячими. Слухи могут быть содержательными, заставляющими задуматься и могут быть эмоционально насыщенными.

Кроме того, бывают быстрые и медленные слухи, в зависимости от того, относятся ли они к происходящему в данный момент кризису или интерпретируют постепенно эволюционирующее бедствие: слухи о цунами или медленно повышающемся уровне моря, вирусе Эбола или СПИДе. Пока мы ищем ответы, слухи, о которых мы вспоминаем и которые мы распространяем, волнуют и развлекают нас. В этом заключается парадокс слухов: они пробуждают и стремление к безопасности, и жажду острых ощущений. Слухи о COVID содержат в себе и ту и другую составляющие, поскольку мы оцениваем возможность избежать заражения и пытаемся понять, чем могла быть вызвана проблема.

Предположим, что мы больше ценим медленные и холодные рассуждения. Но мы должны уметь справляться и с возбужденными и поспешными реакциями. В любом случае, мы не всегда получаем точную информацию. Говорят, некоторые слухи «слишком хороши, чтобы быть правдой», но некоторые слухи «слишком хороши для того, что-

14. Zerubavel E. Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology.

бы оказаться ложью». Это означает, что они «вписываются» в наши убеждения самым удобным и убедительным образом, так что мы игнорируем слабости их доказательной базы. Если мы поставим эти слухи под сомнение, следует быть готовым к возмущению других людей, недовольных тем, что так мы подрываем их само собой разумеющуюся феноменологию. Ввести в заблуждение способны и познание, и эмоции, поскольку мы можем сделать вывод о возможности исчезновения или расширения пандемии, основываясь на ошибочных оценках экспертных знаний.

Как писали исследователи слухов, Гордон Олпорт и Лео Постман, понятный нам, постигаемый мир создается «усилением по поиску смысла»¹⁵. Речь идет об очень простой вещи. Сталкиваясь с напряженностью, неопределенностью, беспорядком и даже смертью от вируса, мы вынуждены направить усилия на то, чтобы осознать воцарившийся вокруг хаос. Эти слухи требуют ответа, и, принимая их, мы надеемся заглянуть в будущее и понять происходящее. Скрывают ли власти от нас правду (более высокую смертность), преследуют ли они скрытые интересы (инвестируя в фармацевтические компании) и не заключили ли они союз с врагами (защищая китайских политиков)?

Слухи могут помочь разным аудиториям интерпретировать изменяющиеся внешние условия. Иногда это приводит к «сбоям для» — к поискам новой «эпистемологической», хотя и не «интеракционной» нормы. Самым наглядным образом это проявляется в размышлениях об опасных мутациях вируса COVID-19, или оценивании вакцинации, осуществляемой в соответствии с предложениями политиков. Мы экстраполируем отрывочные данные, которые во многих случаях получаем от тех, кого в медиа называют экспертами. Возможно, высказывания экспертов успокоят нас, но мы обязательно задумаемся, на основании каких заслуг они получили такое звание. Данная форма размышлений не всегда желательна с институциональной точки зрения, поскольку происходит принижение знаний экспертов и официальных властей, но она имеет большое значение, поскольку отдельные люди пытаются справиться со сложными эмоциями, неустойчивыми верованиями и глубоко укоренившимися страхами. Мы ясно видим это на примере упоминавшихся выше конспирологических слухов о тайных сговорах могущественных элит, чуждых этнических групп или враждеб-

15. Allport G., Postman L. G. *The Psychology of Rumor*. N. Y.: Henry Holt, 1947.

ных держав. Согласны ли мы с тем, что из лаборатории биологического оружия в Ухане произошла утечка и, если да, должны ли мы ненавидеть ее научных сотрудников? Это был бы сбой, но никак не тот, который ведет к лучшему будущему.

Истории о заговорах часто основываются на неоднозначной информации. Сможем ли мы отделить факты от вымысла по невидимым вирусным шлейфам или количеству в аудитории тех, кто кашляет и, возможно, является носителем вируса? Конспирологические утверждения зависят от подрыва власти институтов, настаивая на существовании могущественных злодеев, по которым плачет тюрьма. Исследователи слухов, например французский фольклорист Вероник Кэмпин-Винсент, утверждают, что рассуждения о заговорах сегодня встречаются гораздо чаще, чем в прошлом, и в них все чаще говорится об элитных акторах и организациях¹⁶. Такая ответная реакция проявляется и в происходящем во всем мире подъеме популизма, национализма и нативизма. Поскольку свидетельства в пользу теорий заговора редко бывают однозначными и бесспорными и практически никогда не исходят от «экспертов» (определяемых теми самыми институтами, которым мы отказываем в доверии!), участникам сообществ, разделяющих теории заговора, приходится самим «отодвигать ширму», чтобы показать зрителям, что за ней скрываются злонамеренные кукловоды. В условиях недоверия слухи, порождаемые скептицизмом, падают в благодатную почву и укореняются в ней. Эту чувствительность к заговорам историк Ричард Хофштадтер назвал параноидным стилем мышления, который наблюдается у людей, склонных утверждать, что за фасадом явлений скрывается более глубокая опасная реальность¹⁷. Когда мы сталкиваемся с быстрыми кризисами (ситуациями, когда необходимы немедленные действия и когда очень многое зависит от согласия с утверждениями тех, кто несет институциональную ответственность), такие подозрения приводят к деструктивному гражданскому отклику. Мы пытаемся справиться с кризисами, обращаясь к другим с утверждениями и делаясь убеждениями, что позволяет устранить мно-

16. *Campion-Vincent V.* From Evil Others to Evil Elites: A Dominant Pattern in Conspiracy Theories Today // *Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend* / G. A. Fine et al. (eds). New Brunswick: Aldine/Transaction, 2005. P. 103-122.

17. *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics. N. Y.: Random House, 1964.

гозначность, сортируя утверждения в поисках мира, которому недостает точности, но он имеет интуитивно понятный и социально значимый смысл.

5. Знание, ведущее к сбоям, и утешительное неведение

Расцвет слухов в эпоху пандемии предполагает, что на «сцене» разыгрывается живое представление с участием неопределенных знаний, мы имеем дело с миром, полным вызовов и разногласий. В мире, где возможны теневые заговоры, некоторые надеются отвлечь нас, переключив наше внимание. Это не означает отсутствия непреложной истины; скорее, имеется в виду, что факты отнюдь не «сироты» и должны иметь «родителей», которые введут их в приличное общество. В массовой демократии политические репутации становятся известными не непосредственно, а косвенным образом, через тех, кто участвует в их формировании, — через сторонников, противников и тех, кто обслуживает интересы этих групп в средствах массовой информации. Всех этих людей называют репутационными предпринимателями¹⁸.

В области научного изучения слухов поисками истины, под которой понимается документированная информация о мире в изложении экспертов, заняты многие¹⁹. Это благородная цель. И понятная. Люди разумно полагают, что наш мир познаваем; иначе жизнь была бы слишком страшной, и люди, особенно те, кто не обладает властью, делают неофициальные утверждения относительно знания.

Благодаря связи между косностью мира и влиянием общества слух позволяет аудитории одновременно и знать, и не знать; происходит удвоение эпистемологии слуха. В результате слух становится двойственным: он признается в сообществе дискурса, но теряет устойчивость, поскольку события развиваются так, что предположения о правдоподобии и достоверности приобретают сомнительный характер.

Впрочем, как быть с неведением? Что мы должны думать о незнании? Слухи и неведение — это не близнецы,

18. *Fine G. A. Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial.* Chicago: University of Chicago Press, 2001.

19. *Sunstein C. On Rumors: How Falsehoods Spread, Why We Believe Them, What Can Be Done.* N. Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 2009.

а двоюродные братья. Слухи представляют аудитории заявленную истину, в то время как неведение отводит наши взгляды в сторону, предполагая опасность неофициального знания, что является утешительным выбором для тех, кто стремится сохранить *status quo*. Недостаток осведомленности возникает не просто так, а вследствие того, что к этому подталкивают властные структуры. Нас могут убедить, что некоторые вопросы не следует задавать или что на них нельзя отвечать. Те или иные группы могут хотеть, чтобы некоторые темы не поднимались или оставались без внимания, потому что это отвечает их интересам. Слухи подрывные сами по себе могут инициировать конфликты, которых сильные мира сего хотели бы избежать. Закреплению неведения способствует достаточный контроль над информацией. Можно говорить не только о происхождении фактов, но и об истоках их отсутствия. Незнание и забвение того, что было известно, имеют место не просто так: у неведения есть свои причины²⁰. Агнотология²¹, как называют изучение незнания, является расширением социологии знания на производителей знаний. Считается, что в определенное время и в определенных местах некоторые вещи не стоит — или даже бывает опасно — знать. Это проявляется, например, в отказе от рассмотрения возможных объяснений связи расовой принадлежности, инфицирования и смерти от COVID-19. Углубление в изучение этих сложных вопросов может оказаться социально деструктивным, особенно в свете стремления к расовой справедливости. В некоторых обстоятельствах незнание позволяет избегать обычных сбоев чего-либо, порождающих враждебность и затрудняющих достижение консенсуса. Важнейшее значение в распространении неопределенного знания имеет вопрос о том, что может быть известно и кто имеет право выступать с этими истинными утверждениями.

В исследованиях науки эта область занимает особое место. Данный подход предполагает рассмотрение научной практики как профессии и как формы построения знаний. Он требует от нас вопросов о том, как выявляются факты и как они принимаются профессиональным сообществом. Впрочем, не следует преуменьшать и ценность изучения не-

20. High C., Kelly A., Mair J. *The Anthropology of Ignorance: An Ethnographic Approach*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2012.

21. Proctor R., Schiebinger L. *Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance*. Stanford: Stanford University Press, 2008.

ведения и «не-знания». Историк науки Роберт Проктор рассказывает нам об известных и неизвестных последствиях для здоровья курения табака и сигарет; это является отражением политики (и экономики) неведения, осуществляемой властными кругами²². То же самое справедливо и в отношении использования для лечения вируса COVID-19 такого препарата, как гидроксихлорохин. Согласно Проктору, неведение возникает не просто так: создание неведения имеет стратегическое и политическое значение. Невозможно отрицать тот факт, что некоторые отрасли, например фармацевтика, имеют возможность «придерживать» тревожную информацию, чтобы не допустить ее обсуждения общественностью.

В зависимости от того, какие именно сведения группы интересов намереваются включить в круг публично доступной информации, они широко представляют соответствующие данные или блокируют их поступление, убеждая свои аудитории и подавляя инакомыслие. Как и в случае с учеными, изучающими слухи и стремящимися найти истину, исследователи теорий заговора во многих случаях имеют твердые убеждения относительно того, какие из утверждений являются обоснованными, кого из специалистов можно назвать экспертами и кто из них достоин уважения. Мы видим это и в случае с COVID-19, когда некоторые выступающие рассматриваются как не заслуживающие уважения, поскольку они либо не обладают экспертными знаниями, либо делают странные заявления, либо их высказывания оцениваются как слишком политизированные. Серьезные сообщества носителей знания надеются продемонстрировать существование твердого консенсуса, а те, кто обладает информационной властью, предпринимают попытки подавить инакомыслие, говоря, что существуют границы того, что можно считать правдоподобным и кого можно считать заслуживающим доверия.

В конечном счете, далеко не каждый сбой является простым сбоем чего-либо. Мы помним смелых участников движения по борьбе со СПИДом, представлявших свои высказывания и действия как пример «сбоя для», так как ученые вынуждены были противостоять недовольству активистов. Довольно часто те, кто хотел бы продолжить то, что считается «закрытыми» дебатами, подвергаются нападкам, стигматизации со стороны тех, кто контролирует то, что считается надежным знанием, нападая на личную за-

22. Proctor R. The Golden Holocaust: Origins of the Cigarette Catastrophe and the Case for Abolition. Berkeley: University of California Press, 2012.

интересованность или компетентность своих оппонентов и пытаюсь «уничтожить» их высказывания. (Достаточно вспомнить, например, критику, обрушиваемую на «антипрививочников».) В основе этих разногласий лежит отношение к легитимности фактов, но они имеют важнейшее значение для права на убеждение. Кто может контролировать знания? Слухи предполагают существование разных каналов передачи утверждений о знаниях, но прочно укоренившееся неведение способно предотвратить сбои снизу, которым противостоят элиты общества.

6. Слухи, сбои и бедствия

Исследования слухов, неопределенных знаний и пропагандируемого неведения позволяют понять последствия сбоев в социальной системе, особенно во время кризисов. Кто-то скажет, что, учитывая множественность и изменчивость проблем, кризисы — постоянное состояние общества. Тем не менее широкие и длительные последствия нового коронавируса могут рассматриваться как особый случай, когда государствам и людям приходится быстро и обдуманно реагировать на неопределенность, принимая решения о том, кому можно доверять, кто обладает экспертными знаниями, какие методы лечения являются действенными и какие вакцины наиболее перспективны, держась при этом подальше от политики. Учитывая быстрое развитие событий во время пандемии COVID-19, некоторые начали ставить под сомнение высказывания о ней медиков.

Мы знаем, что слухи, будучи неподтвержденной информацией, способны вызывать сбои и разногласия. В дебатах о ношении защитных масок, безопасности ресторанов, легитимности политических митингов на открытом воздухе и воздействии вышек сотовой связи 5G участвовали члены групп, убежденные в манипулятивной силе элит, что обусловило их особую остроту и привело к уличным протестам. Как заметил однажды американский сенатор Дэниэл Патрик Мойнихэн, каждый имеет право на собственное мнение, но не на собственные факты. Известно, что Мойнихэн принадлежал к культурной элите, к людям, чувствовавшим, что они имеют право определять, что *является* фактами. Однако именно то, что слухи вызывают столь сильный резонанс, свидетельствует о том, что вопрос, кто контролирует факты и экспертную

оценку, является центральным для понимания политики правдоподобности и политики достоверности. Группам, объединяющим простых людей и не пользующимся благосклонностью элит, должна быть предоставлена возможность открыто участвовать в сбоях. Единственный вопрос, который здесь возникает, будут ли это просто сбои чего-либо или «сбой для»?

Если бы эти дебаты велись честно и уважительно, то подрыв воззрений, ранее считавшихся само собой разумеющимися, мог бы принести пользу обществу. Мы видим это во многих областях. Низовое движение *Sunrise*, требующее неотложных политических действий, направленных на то, чтобы противостоять климатическим изменениям, действительно изменило точку зрения даже тех, кто сомневался в воздействии человека на окружающую среду. Возможно, не все требования сторонников «Зеленого нового курса» были — или должны были бы быть — приняты, но все больше людей признают, что беспокойство «зеленых» полностью оправданно. Мы должны быть активными и добровольными защитниками окружающей среды. Это «сбой для». Мы наблюдаем это в политике по отношению к пандемии, когда даже президент Дональд Трамп и республиканские губернаторы признали необходимость защитных масок и некоторых ограничений в деятельности предприятий и учреждений, реагируя на какофонию заявлений и требований, а также реальность вируса. И здесь мы вновь видим случай «сбоя для». Приведенные примеры показывают, как несанкционированная информация и сведения, которые позиционируют как экспертные мнения, могут сочетаться друг с другом для осуществления социальных изменений. Вирусный шум, порождаемый утверждениями и сообщениями, напоминает нам о том, что дебаты — это не разрушение. Слухи необходимы обществу.

Благодарности

Я искренне благодарен Иддо Тавори за его комментарии к первоначальному варианту этой статьи.

Библиография

- Allport G., Postman L. G. *The Psychology of Rumor*. N. Y.: Henry Holt, 1947.
Bodner J. et al. *COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, the New World Order and Other Viral Ideas*. Jefferson: McFarland, 2020.

- Campion-Vincent V. From Evil Others to Evil Elites: A Dominant Pattern in Conspiracy Theories Today//Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend/G.A. Fine et al. (eds). New Brunswick: Aldine/Transaction, 2005. P. 103–122.
- Chorus A. The Basic Law of Rumor//Journal of Abnormal and Social Psychology. 1953. Vol. 48. № 2. P. 313–314.
- Fine G. A. Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Fine G. A. The Promiscuity of Facts: Barack Obama and Uncertain Knowledge//Diogenes. 2015. Vol. 62. № 3–4. P. 330–338.
- Fine G. A., Ellis B. The Global Grapevine: Why Rumors of Terrorism, Immigration, and Trade Matter. N. Y.: Oxford University Press, 2010.
- High C., Kelly A., Mair J. The Anthropology of Ignorance: An Ethnographic Approach. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2012.
- Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics. N. Y.: Random House, 1964.
- Janis I. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Policy Decisions and Fiascoes. N. Y.: Houghton Mifflin, 1972.
- Kitta A. The Kiss of Death: Contagion, Contamination, and Folklore. Louisville, CO: Utah State University Press, 2019.
- Larson H. Stuck: How Vaccine Rumors Start—and Why They Don't Go Away. N. Y.: Oxford University Press, 2020.
- Lee J. D. An Epidemic of Rumors: How Stories Shape Our Perceptions of Disease. Boulder: Utah State University Press, 2014.
- Maines D. Information Pools and Racialized Narrative Structures//Sociological Quarterly. 1999. Vol. 40. № 2. P. 316–326.
- Proctor R. The Golden Holocaust: Origins of the Cigarette Catastrophe and the Case for Abolition. Berkeley: University of California Press, 2012.
- Proctor R., Schiebinger L. Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance. Stanford: Stanford University Press, 2008.
- Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.
- Sunstein C. On Rumors: How Falsehoods Spread, Why We Believe Them, What Can Be Done. N. Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 2009.
- Tavory I., Fine, G. A. Disruption and the Theory of the Interaction Order//Theory & Society. 2020. Vol. 49. P. 365–385.
- Zerubavel E. Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

Viral Buzz: Rumour and Its Disruptions in Pandemic Uncertainty

Gary Alan Fine. Northwestern University (NWU), Evanston, USA,
g-fine@northwestern.edu.

Building on theory and research on rumour dynamics, I examine how the search for and acquisition of information during a time of medical crisis relies on the politics of plausibility and the politics of credibility. In this, I examine how the content and source of information affects the spread of uncertain knowledge during periods of disaster by taking into account the social dynamics of ignorance, a decisive element for fields of knowledge where the public has little ability to judge. The assertion of multiple truth claims about the current pandemic leads to challenges to previously taken-for-granted realities, but also provides potential solutions. Conditions that require an immediate response may differ from those that evolve over a longer period (fast and slow rumours). Making use of rumours about the COVID-19 pandemic, I address how epistemic disruption

undercuts established norms (disruption-of) but also creates the possibility of desirable change through new negotiations, strengthening community (disruption-for).

Keywords: *rumour; knowledge; disruption; pandemic; COVID-19.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-3-6-27

References

- Allport G., Postman L.G. *The Psychology of Rumor*, New York, Henry Holt, 1947.
- Bodner J. et al. *COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, the New World Order and Other Viral Ideas*. Jefferson: McFarland, 2020.
- Campion-Vincent V. From Evil Others to Evil Elites: A Dominant Pattern in Conspiracy Theories Today. *Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend* (eds G. A. Fine et al.), New Brunswick, Aldine/Transaction, 2005, pp. 103–122.
- Chorus A. The Basic Law of Rumor. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1953, vol. 48, no. 2, pp. 313–314.
- Fine G. A. *Difficult Reputations: Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial*, Chicago, University of Chicago Press, 2001.
- Fine G. A. The Promiscuity of Facts: Barack Obama and Uncertain Knowledge. *Diogenes*, 2015, vol. 62, no. 3–4, pp. 330–338.
- Fine G. A., Ellis B. *The Global Grapevine: Why Rumors of Terrorism, Immigration, and Trade Matter*, New York, Oxford University Press, 2010.
- High C., Kelly A., Mair J. *The Anthropology of Ignorance: An Ethnographic Approach*, New York, Palgrave Macmillan, 2012.
- Hofstadter R. *The Paranoid Style in American Politics*, New York, Random House, 1964.
- Janis I. *Victims of Groupthink: A Psychological Study of Policy Decisions and Fiascoes*, New York, Houghton Mifflin, 1972.
- Kitta A. *The Kiss of Death: Contagion, Contamination, and Folklore*, Louisville, CO, Utah State University Press, 2019.
- Larson H. *Stuck: How Vaccine Rumors Start – and Why They Don't Go Away*, New York, Oxford University Press, 2020.
- Lee J.D. *An Epidemic of Rumors: How Stories Shape Our Perceptions of Disease*, Boulder, Utah State University Press, 2014.
- Maines D. Information Pools and Racialized Narrative Structures. *Sociological Quarterly*, 1999, vol. 40, no. 2, pp. 316–326.
- Proctor R. *The Golden Holocaust: Origins of the Cigarette Catastrophe and the Case for Abolition*, Berkeley, University of California Press, 2012.
- Proctor R., Schiebinger L. *Agnology: The Making and Unmaking of Ignorance*, Stanford, Stanford University Press, 2008.
- Shibutani T. *Improvised News: A Sociological Study of Rumor*, Indianapolis, Bobbs-Merrill, 1966.
- Sunstein C. *On Rumors: How Falsehoods Spread, Why We Believe Them, What Can Be Done*, New York, Farrar, Straus, and Giroux, 2009.
- Tavory I., Fine, G. A. Disruption and the Theory of the Interaction Order. *Theory & Society*, 2020, vol. 49, pp. 365–385.
- Zerubavel E. *Social Mindscales: An Invitation to Cognitive Sociology*, Cambridge, Harvard University Press, 1997.